

Шуточная хроника Московскаго Университета полвѣка назадъ*).

II.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Подражаніе древнимъ.

Когда Діану дерзновенно
Узрѣлъ нагую Актеонъ,
Онъ былъ богиней раздраженной
На растерзанье обреченъ.
И мы игуменью святую
Узрѣли тожъ въ дезабилье,
Простоволосую, босую,
Да и въ запачканномъ бѣльѣ.
И вотъ уже готова кара:
Собаки ринулись тотчасъ,
И лаеъ бѣшенная пара,
И учить вѣжливости насъ:

---

*) Первая часть этой хроники, помѣщенная выше (стр. 125), носитъ названіе времени Аркадскихъ и относится къ ректорству А. А. Альфонскаго, который, женатый на Е. А. Мухановой, принадлежалъ къ высшему Московскому обществу. Преемникъ его въ ректорской должности имѣлъ очень много достоинствъ, но происходилъ изъ духовнаго званія, которое въ ту пору еще не пользовалось подобающимъ ему общественнымъ уваженіемъ. При немъ начались такъ называемыя исторіи, благодаря которымъ пятеро даровитыхъ профессоровъ (Дмитріевъ, Рачинскій, Чичеринъ, Бабстъ и Соловьевъ) подали въ отставку. Новаго ректора прозвали *матерью-игуменьсю*. П. Б.

Никольскій то заляется шавкой,
 То вдругъ подниметь хриплый вой.
 А Матюшенковъ съ бородавкой,
 Бѣснуясь, брызгаетъ слюной.
 Ужасень этотъ лай сугубый,
 Страшна отвага забіякъ;
 Но къ счастью, ихъ тупѣ зубы,
 Чѣмъ Актеоновыхъ собакъ.

Отрывокъ.

Какое мудрое собранье!
 Чтò ни лицо въ немъ, то примѣръ
 Не только глубины познанья,
 Но и изящнѣйшихъ манеръ.
 Здѣсь до малѣйшихъ вамъ отгѣнковъ,
 Чуть кто въ Совѣтъ зашумить,
 Великосвѣтскій Матюшенковъ
 Законы свѣта объяснить.
 Сказавъ, съ находчивостью быстрой,
 Что всѣ круги онъ изучаль,
 Отъ хижины и до министра
 Вездѣ онъ, мудрый, побываль,
 И если бь въ хижинѣ послѣдней
 Онъ занялъ свой хорошій тонъ,
 То у министра онъ въ передней
 И строгой чести обучень.

Рѣчь преподобный матери-игуменни о пребываніи ея въ Петербургѣ.

(Засѣданіе 22 Апрѣля 1863).

Вставши съ ложа спозаранку,
 Захвативъ съ собою Анку*)
 И напяливши чепецъ,
 Я пустилась во дворецъ.
 Тамъ я милою осанкой
 Всѣхъ прельщала, какъ и встарь....
 Насъ замѣтилъ тотчасъ съ Анкой
 Восхищенный Государь.

---

*) Н. Б. Анке — деканъ медицинскаго факультета. П. Б.

А министры такъ толпились
 Такъ толкались вокругъ меня,
 Такъ красѣ моей дивились,
 Столько было въ нихъ огня,
 Такъ плѣнительно мнѣ было
 Что, хоть къ чести я строга,
 Но чуть-чуть не насадила .
 Я Никольскому рога.

Подражаніе Лермонтову.

„Въ полдневный зной въ долині Дагестана“...
 Въ полдневный часъ, въ совѣтской круглой залѣ
 Съ тоской въ груди, сидѣлъ я недвижимъ...
 Еще слова Никольскаго дрожали,
 И всѣ безмолвно тяготились имъ.
 Но я одинъ былъ сокрушенъ тоскою.
 Вокругъ меня никто не унывалъ,
 И лишь порой, голодною душою
 Свой часъ обѣда Брашманъ вспоминалъ.
 И снился мнѣ, сіяющій огнями,
 У ректора великолѣпный балъ:
 Среди купчихъ съ нелѣпыми чепцами,
 Никольскій нашъ отважно танцовать.
 Но у него однѣ плясали ноги,
 Душа была отъ польки далека,
 И ликъ его, величественно-строгій,
 Глубокая отмѣтила тоска.
 И снилася ему Совѣта зала:
 Пока рѣчами нагонялъ онъ страхъ,
 Все близъ него рука одна писала,
 И чужь онъ пародію въ стихахъ.

26 Октября 1863.

Экспромптъ.

Краса инспекціи Московской,
 Двора монаршаго краса,
 Иванъ Ивановичъ Красовскій *).
 Да гдѣ же ваши волоса?

---

*) Инспекторъ студентовъ Красовскій, родомъ изъ духовнаго званія, служилъ въ военной службѣ и подъ Севастополемъ былъ адъютантомъ князя Горчакова. Позднѣе Ѳ. М. Дмитріевъ устроилъ ему губернаторство въ Томскѣ. П. Б.

О д а

преподобной матери-шумень Серийи, настоятельница нѣкоей мужской обители.

Октябрь 1863.

Въ дни вѣрноподанныхъ скандаловъ,
 Когда пѣлъ оды Шевыревъ,
 Въ честь тупоумныхъ генераловъ
 Давали много мы пировъ.
 Но нынѣ времена другія:
 Стремясь къ развитію своему,
 Уже покорствуетъ Россія
 Теперь не силѣ, а уму.

Изобразить ли стихъ мой слабый,
 Какъ старшій университетъ
 Однажды, въ честь беззубой бабы,
 Задалъ торжественный обѣдъ?..
 На пиръ сей, истинно Московскій,
 Стеклись друзья изъ всѣхъ угловъ;
 Изъ синагоги Гивартовскій,
 Изъ океана Соколовъ¹⁾.

Врагъ независимости Польской,
 Сей препоясанный на брань,
 Сей ярый патріотъ Никольскій
 Принесъ сюда свою гортань.
 И вмѣстѣ съ нимъ, покорень гласу
 Леонтьева, сюда пришелъ
 Шѣховскій²⁾, воротясь изъ лясу,
 Гдѣ онъ ваканцію провель.

Тутъ былъ премудрый Галиновскій,
 Преподаватель для коровъ,
 Сладкоглаголивый Лясковскій,
 Страдающій теченьемъ словъ;
 Мильгаузенъ, отецъ уступокъ,
 Всѣмъ сердцемъ полюбившій всѣхъ
 И все что только есть поступокъ
 Уже считающій за грѣхъ.

¹⁾ См. выше, стр. 126.

²⁾ Профессоръ Латинской словесности, Полякъ, ставленникъ профессора П. М. Леонтьева. П. Б.

И факультетъ тутъ медицинскій
 Весь въ сборѣ... эка благодать!
 Читатель просить риѣмы: „свинскій“,
 Ну нѣтъ! Ужъ лучше замолчать!
 Всѣ мирно явства пожирали,
 При громѣ Сакса скрипячей,
 И длань игуменьи лизали,
 Съ приправой тостовъ и рѣчей...

Вотъ Николай Богданчъ Анке,
 О чудо! всталъ и говорить....
 Онъ зналъ лѣкарственныя склянки,
 Онъ зналъ и хересь, и лафитъ;
 Но было вовсе не по нраву
 Ему публично говорить,
 И краснорѣчія отраву
 Съ трудомъ онъ силится излить.

За нимъ безцвѣтны, но пріятны,
 Потоки полились рѣчей:
 Давидовъ, Лешковъ непонятный
 И самъ Галунинь Алексѣй,
 Съ дьячковскимъ голосомъ и видомъ,
 Гласяи игуменѣ хвалу:
 Сравнишься мудростью съ Давидомъ
 И Валаамову ослу
 Подобна ты, о мать святая!
 И всѣхъ чаруешь насъ вполнѣ,
 Ты, въ юбкѣ ректорской блистая,
 Съ звѣздой на лѣвой сторонѣ!

Гостепрѣимна ты порусски.
 Мила въ ужимкахъ и рѣчахъ;
 Ты даже въ Пятницы закуски
 Для насъ придумала на дняхъ.
 И мы, за сыръ и за селедку,
 За колбасу и за икру,
 За то, что смачиваешь глотку
 Ты намъ бутылкой ввечеру,
 Тебѣ днесъ пиршество во славу.
 Всей корпораціей даемъ,
 Какъ будто выборному праву
 Мы честь поздненько воздаемъ!

Мы, вѣрь, давно тебя желали,
 И ясной дождались поры...

Забудь лишь, матушка, что клали
 Тебѣ мы черные шары.
 И возвратившееся стадо
 Ты попеченьемъ не оставь,
 Не обойди ты насъ наградой.
 И всѣхъ, in corpore, представь...

Такъ пѣлъ Галунинь вдохновенный,
 Какой-то испуская стонъ,
 И слышенъ крикъ одушевленный
 Ему въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.
 Но чтобъ бесѣдѣ этой Росской,
 Которой тонъ немного простъ,
 Придать оттѣнокъ философскій,
 Юркевичъ предлагаетъ тостъ.

Онъ пьетъ за наше единенье,
 Внѣ всякихъ партій и преградъ,
 Союзъ во имя просвѣщенья
 И полученія наградъ,
 И съ Матюшенкомъ и Пѣховскимъ,
 Ни отъ кого не сторонясь,
 И съ Галиновскимъ, и съ Лясковскимъ,
 Со всѣми ими у нихъ связь.

Онъ говоритъ: „Я къ вамъ въ обитель
 Судьбой недавно занесенъ,
 И на нее смотря, какъ зритель,
 Совѣтомъ вашимъ я прельщенъ.
 Хотя и ссоритесь вы дома,
 Хоть я деретесь вы слегка,
 Но вамъ пословица знакома:
 Рукою моется рука.

Тамъ говоритъ Никольскій въ мѣру,
 Имѣеть Лешковъ должный вѣсъ,
 И мнится: вѣтрENNую Геру
 Прогнавши, царствуетъ Зевесъ“.
 А мать игуменья, вздыхая,
 Стыдливо говоритъ въ отвѣтъ:

„Извольте видѣть, честь большая
 Мнѣ выборъ вашъ и сей обѣдъ.
 И знаю я, что недостойна
 На этомъ мѣстѣ я сидѣть;
 Всѣ говорятъ, что непристойно
 Меня вамъ ректоромъ имѣть.

Но хватить все-жь у насъ умишка,
 Чтобъ вамъ, гдѣ нужно, угодить,
 И своего чтобы дѣлишка
 При этомъ также не забыть.

Да и смирна я непомярно...
 За то отъ васъ какаѣ честь!
 Всякъ думаетъ: на ней ужъ вѣрно,
 И мнѣ придется тоже сѣсть.
 Не отставляюсь я осанкой,
 Не оскорбляю васъ умомъ;
 Большой, вотъ видите, приманкой
 Нашъ служить пошлости дипломъ.
 Не любимъ важности посольской;
 Свой братъ кому изъ насъ не милъ?
 Вотъ и ораторъ нашъ Никольскій
 Ко мнѣ въ дворецкіе вступилъ.
 Онъ у меня на побѣгушкахъ;
 Я прикажу—плясать пойдетъ,
 Мигну ему, и на пирушкахъ
 Гостямъ Шампанскаго нальетъ.

Всего вѣрнѣе путь лакейскій,
 Гласить нашъ опытъ, и держась
 Смирненно мудрости житейской,
 И я чинишка дождалась;
 И ректорства, и генеральства
 Меня сподобила судьба:
 Раба я высшаго начальства,
 Совѣта нашего раба!“

Хвала, изрекъ Крыловъ ученый,
 О милый ректоръ нашъ, тебѣ!
 Ты, правда, малый немудреный,
 Но ты пришелся по избѣ.
 Подъ властію Аркаши строгой
 Нашъ голосъ оставался нѣмъ;
 Хоть бунтовали мы немного,
 А все какъ будто не совѣмъ.
 Но днесъ казенному указу
 Конецъ, конецъ уже насталь!
 Auspicia sunt fausta: сразу
 Нашъ выборъ на старуху палъ!“

Но вотъ для новыхъ комплиментовъ,
 Археологъ и либераль,

Искатель милости студентовъ,
 Буслаевъ антикварный всталъ.
 Почтимъ мы нынѣ силу слова!
 Гдѣ сила, тамъ при ней я хвостъ.
 Въ честь, понимаете, Каткова
 Я предлагаю этотъ тостъ!“

И на привѣтъ сей отвѣчая,
 Возсталъ въ величїи Катковъ,
 Глазами медленно вращая,
 И рекъ всей тяжестію словъ:
 „Я силы слова представитель.
 Такимъ самъ клубъ меня призналъ *)!
 Россїи нашей я спаситель;
 Я всю Европу застращаль.

Въ моемъ журналѣ помѣщаетъ
 Кто и плохїя лишь статьи,
 Тотъ лавры вѣчныя стяжаетъ,
 Тому привѣтствїя мои!
 Однажды ректоръ вашъ для формы,
 Въ моихъ печатался листахъ,
 И вотъ—отъ дряни сей реформы
 У насъ подвинулись въ судахъ!“

— „Ну, такъ ужъ если за Каткова,
 Гласить игуменья, мы пьемъ,
 Такъ и за Берга, Муравьева
 И Горчакова мы тряхнемъ!
 То пира всякаго программа:
 Привѣтъ имъ клубъ Нѣмецкїй шлетъ,
 Бахмутскихъ барынь телеграмма
 Ихъ вновь на подвиги зоветь;
 Отъ сихъ народныхъ ликованїй
 Ужель отстанетъ нашъ порывъ?!“
 И встрѣтилъ громъ рукоплесканїй
 Патриотическїй призывъ.

Не утерпѣлъ тутъ и сладчайшїй,
 И медомъ рѣчь его лилась:
 „Друзья, на праздникъ величайшїй
 Семья вся наша собралась....
 Семья! Ахъ, кто при этомъ звукъ

---

*) Московскїй Англїйскїй клубъ давалъ обѣдъ въ честь М. Н. Каткова за его статьи противъ Поляковъ. П. Б.

Не скажетъ: университетъ?
 О alma mater! храмъ науки!
 Ты слаще меда и конфектъ!
 И сердце чье не встрепенется,
 Когда онъ зрѣть священный храмъ,
 Гдѣ такъ исправно выдается
 Двойное жалованье намъ?“

Въ предѣлахъ университетскихъ
 Какъ сладко все: хвала друзей,
 Интриги кумушекъ совѣтскихъ
 И громъ Никольскаго рѣчей!
 И здѣсь на маленькомъ просторѣ
 Какъ можетъ маленький субъектъ
 Потолковать о всякомъ вздорѣ
 И выйдетъ маленький эффектъ!
 Не утомляясь въ работѣ,
 Ты держишь проповѣдь съ ходуль,
 Отпустишь фразу на Суботѣ,
 И все-жъ не будешь просто нуль!
 О други! все насъ здѣсь смѣняетъ!
 Такъ, съ позволенія сказать,
 Когда никто не возражаетъ,
 На стуль свой сяду я опять!“

Такъ рекъ Лясковскій улыбаясь
 На весь профессорскій комплектъ.
 И все съ ужимкой озираясь,
 Чтобъ видѣть, вышелъ ли эффектъ...
 Онъ сѣлъ, но сладкая улыбка
 Коснѣла долго на устахъ,
 Собою доволенъ онъ былъ шибко,
 И счастье свѣтилось въ глазахъ.

И долго длится пиръ громадный,
 И всякій рѣчи говорить;
 Одинъ Любимовъ плотоядный
 Все пьетъ, все ѣстъ и все молчить;
 И только свѣтится во взорѣ
 Душевный ректору привѣтъ,
 Зане онъ съ басней не въ раздорѣ:
 „Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

Распорядитель угощеній,
 Всегда молчить онъ на пирахъ.
 И лишь наѣвшись, нашъ Мененій,

Всталъ съ мудрой рѣчью на устахъ.
И говоритъ онъ: „Эта шутка!
Нашъ пышный, ректорскій обѣдъ
Есть праздникъ истинный желудка,
И смысла въ немъ другого нѣтъ.

Желудокъ врагъ разъединенья,
Раздора онъ не признаетъ,
Онъ одинакія внушенья
Глупцу и мудрому даетъ.
Въ ѣдѣ никакъ не разойдемся
Мы и при разности натуръ,
При всѣхъ тенденціяхъ напьемся.
Такъ: *gaudeamus igitur!*“

„Пока мы молоды,—запѣли
Всѣ хоромъ вдругъ профессора,
Повеселимся! Надоѣли
Давно намъ лекціи! Пора
Не миновала наслажденій,
И часъ пока намъ не насталъ,
Въ честь легкихъ дѣвъ и обольщеній
Полнѣй нальемъ вина бокаль!“

Трикрата пѣсню огласился
И кликами высокій залъ;
Самъ Брашманъ тутъ остервенился,
И Фишеръ пуще всѣхъ оралъ.
Но все непрочно въ здѣшнемъ мірѣ
Напиткамъ даже есть конецъ.
Побушевавъ на долгомъ пирѣ,
Домой идутъ всѣ наконецъ.

Отяжелѣвъ, немного пьяны,
Чтобъ дружно завершить обѣдъ,
Въ подарокъ ректоршѣ деканы
Несутъ коробочку конфетъ.
Отверзла ректорша затворы,
Легко коробка отперлась,
И, какъ изъ ящика Пандоры,
Оттуда пошлость понеслась.

Удушлива и безконечна
Во всѣ углы она вошла,
И по Никитской быстротечно
И въ новый домъ переползла;

Потомъ и въ Клиникахъ вселилась
 И въ медицинскій институтъ:
 Повсюду вонь распространилась
 Науки нашей атрибутъ.
 И долго стѣны сохраняли
 Зловонія протухлый слѣдъ,
 И долго други вспоминали
 Веселый ректорскій обѣдъ.

Мадригалъ Галиновскому *).

Новый блескъ у насъ въ компаніи,
 Радость новая въ сердцахъ:—
 Галиновскій въ новомъ званіи
 Въ генеральскихъ онъ чинахъ!

Онъ съ своею важной рожею
 Нынѣ сдѣлался вельможею:
 Вотъ куда его завезъ
 Изученный имъ навозъ!

А въ саду-то беззаботныя
 Такъ и прыгаютъ животныя,
 Но особенно процвѣлъ
 Свѣтлой радостью осель.

*) Онъ завѣдываетъ Зоологическимъ садомъ.